

Цена 10 к.

Еженедельный Журнал.

Февраль.
№ 1.

Зарево.

Медленно, вяло гинулась ея—
Темные ночи, ненастные дни,
Росины ночи и дни.
Испытаю нежданно, порой западала
Искорки света въ туманные дали,
Но под дыханием грома увидела,
Вдтеръ рениный, исповненный силъ,
Ихъ безъ пошадъ именованъ гасилъ,
Въ тайную глубину уносилъ.

Медленно вли въ тернистый путьемъ,
Плакала тучи холерный дождемъ,
Мрасть расталася кругомъ...
Шли мы, не зная покоя, отрады,
Шли черезъ дѣбри глухія, претрала:
Наша законная кровь далады
Стала теплой и радостный светъ,
Нивамъ, дагошимъ безъ веселья и вѣтъ,
Свои послалие приѣтъ.

Много насъ пало дорогою той
Жертвой обильно ибры святой
Въ день золотой...
Пало въ нежданныхъ тундрахъ, гдѣ вѣчно
Зѣтри да вьюги гуляютъ безопасно,
Далии зими царятъ безконечно;
Въ душныхъ торьмахъ, казематахъ глухихъ,
Въ бѣлихъ селеньяхъ, дубравахъ сухихъ,
На мостовыхъ горющихъ.

Не было жалобъ на бѣднѣхъ устахъ,
Муки раскваша въ скорбныхъ чертахъ,
Не было слезъ на глазахъ.
Павъ... но павши съ ними заплады
И, разбиваясь, дробясь о претрала,
Все закончили вкругъ безъ пошадъ...
Да, безъ пошадъ,— и вотъ надъ страной
Зарево алой воститъ пеленой.

И. Гурвичъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Историкъ.

(Собирается изъ историческаго архива).

(Историкъ комично доверять отбѣкъ въ прозаич. стилѣ отрывая книги; историкъ пишетъ).

Еще два-три послѣднѣя случая
И лѣтопись окончена моя!
Двадцатый вѣкъ я описалъ подробно,—
Могу теперь уснуть спокойно и (задумывается).

Ахъ, да! Записать надо:

Всего хоть только десять словъ;
Какъ храбрый генералъ Орловъ
Своимъ отрядомъ изъ траншеи
Гвалтъ возмущенныхъ датчанъ! (пишетъ).

Еще обязательно нужно записать:

Какъ въ Финляндіи холодной
Успокоили вятякъ,
Въ польской скучѣ всенродной
Принимали ибры тѣ-жъ! (пишетъ).

Записать нужно обязательно:

Какъ казачки и жандармы
Разгоняли всюду тьму,
Какъ матроскія казармы
Превращались въ торяну! (пишетъ).

Записать нужно обязательно, обязательно записать:

Съ этого-бы и начать
Мѣб писать свои листы,
Какъ свободную мечать
Гнали въ крѣпость и «жесты»! (пишетъ).

А это ужъ обязательно записать нужно:

Это первый случай въ мірѣ,
Не припомню я момента:
Чтобъ скакала сразу рента
Со ста въ семьдесятъ четыре! (пишетъ).

Обязательно записать обязательно:

Въ деревняхъ движенье,
Головъ, недородъ,
По войскамъ брѣжене,
И подводный флотъ... (пишетъ).

Можно бы еще записать обязательно:

Но глѣвъ цензуры я боюсь вездѣ...
Прочмалась быстро ночь... Пора прилечь...
Съ двадцатымъ вѣкомъ бѣгомъ знакомство
Получить здѣсь грядущее потонство!

(Складываетъ листы и тушитъ свѣчу).

Нето.

Из жизни голодного села.

(Сказка).

Утром только раскило,
Всполошилось все село:
Сотский изво обходил,
Кто не встает еще — будить,
Заблать и аз кланьке,
Не спяты ли мужики,
Подь собой не чун ногь,
Еле дигаются онь могь,
Вѣдь не мало всѣмъ заботь,
Коль назначить сельский сходъ...
Собирались мужики,
Молодежь и старичок,
Обсудить деломъ дѣла
Ихъ родимого села:
Какъ и прошлый, зотъ годъ
Обѣщать недорогъ...
Надо свѣтъ, — какъ тутъ быть,
Коль зерна не раздобыть:
Нѣтъ ни проса, ни овса, —
Зарастаетъ полоса...
Павчуть бабы, старичок,
Съ голодомки мужички,
Да къ тому-жъ еще война, —
Служишь памятна она, —
Всѣхъ кормилиць увела
Изъ родимого села...
Суяты дѣвкь, судятъ такъ,
Лишь помнитъ Иванъ-дуракъ.
Говорилъ — съдъ Басей,
Косоголазый Алексѣй,
Что вѣдъ у насъхъ баръ,
Подонъ хлѣбушка амбаръ...
Предлагали Фелимонъ,
Тимоней и Паранокъ:
У госпай попросить:
Десать, сможевъ погосить

Догъ имъ роно черезъ годъ, —
Вѣдь не вѣчно-жъ недорогъ!
Говоритъ еще вѣдуть,
Дѣдъ Павелъ и Варуль,
Хромоногий дѣдъ Касьянъ,
И подыминий Демьянъ,
Говорилъ и старъ, и младъ:
На одинъ и тотъ же ладъ:
Надо стѣтъ, — нѣтъ овса,
Зарастаетъ полоса.
Поднялся Иванъ-дуракъ
И промовилъ соуду такъ:
— „Въ городу и слышалъ вѣстъ,
„Губернатору будотъ есть,
„Я къ нему сейчасъ пойду
„И поволаю бѣду!“

Встрепенулись мужички,
Молодежь и старичок:

„Ай да Ваня! Ишь дуракъ!
„А предумалъ сказно такъ!
„Но киди ты не одинъ.
„Пусть идетъ и Константинъ,
„Дядя Павелъ и Варуль,
„Фелимонъ, Лука, вѣдуть,
„Косоголазый Алексѣй
„И разумный спатъ Басей!“

Поволожилъ старичка,
Въ путь пустился мужичокъ.
Скачетъ весело Иванъ,
Словно закъ по дурманъ,
Къ губернатору идеть,
Мужичковъ съ собой везеть.

Не дождутся мужички,
Мужички — не простоятъ, —
Спорю-жъ заводитъ Иванъ:
Порыванный словомъ языкъ:
Голодомка подела
Животи всего села.
Мичется дѣлний аскадронъ
Какъ избавитесь отъ бѣдъ,
Вѣдуть горести ковыль,
„Губернаторъ — онь отцы!“

Утромъ только раскило,
Всполошилось все село:
Изъ невѣдомыхъ сторонъ
Мичется дѣлний аскадронъ.
Словомъ въ бѣду на войнѣ...
Ванка тоже на конь, —
Дурей-Ванька, хотъ и прость,
Крѣжко дернется за хвостъ.

Письмо.

Что придумаеца, молодежь,
Голову низко склонилъ?
Даже слезинку невольную
Ты на письмо уронилъ?

Исний твой взоръ затуманился,
Блѣдность покрива чело;
Вѣрно, дурное извѣстие?
Горе письмо принесло?

„Это письмо изъ Голутанино, —
Молодежь тихо сказалъ, —
„Пишутъ мнѣ братья, что батюшка
„Долго намъ жить приказалъ;

„Что безъ суда и безъ слѣдствъ
„Онъ офицеромъ казнитъ;
„Будто бы въ списокъ крѣпостничковъ
„Възъ по фамилии онь.

„Но, на бѣду, оказалось:
„Рѣдкий ошибкой попалъ!
„Самъ командиръ соглашается:
„Батюка безвинно пропалъ!“

„Смѣль принесли извѣстие
„Матушкѣ нашей — воякъ:
„Могутъ быть, дескать, подробности:
„Списокъ составленъ въ Москвѣ!“

„Стала семья безъ работника,
„Стала семья безъ отца...
„Что мои братья избѣлонокъ,
„Видно, въ томъ вѣстистъ Творилъ!“

„Брани мнѣ плечи могучи
„Я бы родимой помогъ...
„Нѣту мнѣ воли и силушка...
„Вѣро: поможеть имъ Богъ!“

Снова задумался молодежь,
Голову ниже склонилъ,
Снова слезинку невольную
Онь на письмо уронилъ!

Владимиръ В.

Сметь деревня обаня
 На земль родной,
 Полузамерзшая
 Сибяной пеленой...

Волки воют лютые,
 Зубы их стучать...
 Воронам слышше
 Жалобно кричат...

Падаль чуют хищники...
 Много мертвых тьм...
 Камни, избытия,
 И разстрель, разстрель...

Спи, деревня обаня!
 Сибяной пеленой
 Вьд закрыто многое
 На земль родной!

В. Тр—оев.

Всѣ руками развели,
Какъ къ допросу повели...
„Отчего-же Ивиль одинъ?!
„Гдѣ же дядя Константинъ,
„Дядя Павелъ и Вардуть,
„Филимонъ, Лука, Сеидуль,
„Косоголаый Алексѣй
„И разумный свать Есей?!“
Но дурникъ-Ивиль молчалъ,
Головою лишь качалъ...

Шель мужикъ Ивиль съ работъ,
Не былъ здѣсь онь ровно годъ:
Все знакомыя мѣста...
„Отчего же нѣтъ креста,

„Кого тутъ теперь погостъ?
„Вспоминаю: рѣчка... мость...
„Была тутъ моя поля!“
Испугался свать Ивиль...
Онь къ вѣщю своей пошелъ,
Но жбы онь не нашель,
И, завидѣвъ аскадронъ,
Прошепталъ въ изумлѣи онь:
— „Нѣтъ родимаго села!
„Линны, Господи, дѣла!“

В. Тробиошъ.

„Нѣтъ края, пропалой
изъ края, восторжене пр-
ше голуби краекъ.“

Темною ночью, холодною ночью на
небѣ зажглась звезда золотая.

Окомъ блещущимъ на темное небо
взглянула она и въ иерархию робкомъ
въ пространство луча урочила.

Въ стройной гармоніи таея, миро-
кому послушана закону, свой путь про-
ходяща планета и звезда, сияя лучами
въ просторѣхъ.

Группы мировъ пробѣгала предъ нею
въ движени вѣчномъ, въ безсмертной
системѣ.

Звонки струны—лучи золотые дро-
жали и въ движеньи аккордакъ гимны
слагали Творцу бытія, Вседержителю
царства вселенной.

Все было дивно прекрасно въ про-
странствѣхъ и вѣчной красотою пою,—
и безсмертныи покоеньи и мировъ

дышало движенье планетъ и созвѣзій.

Вдругъ падель, безъ думей, вся оку-
тана красими туманомъ, кровавимъ
туманомъ насилье—земля покатилась.

Стоны, тяжкие стоны бездннмъ,
страдания и робота водно вырвалась
въ гармонію данную гимну Творцу
бытія, Вседержителю царства все-
ленной.

Мракъ и ужаст, дикнне смерти,
убійство, болѣзни и голодъ, борьба
бѣдъ, насилие—снизлиась въ стран-
ной симфоніи, полной рыданій и боли.

Красной туманъ времени срыало
дышанье вѣтра, и волны горяча кровъ
водской клохотали тогда надъ зем-
лей, — и предъ страшной картиной
ока отъверъ не могла золотая зѣзда,
и лучи поругвала въ кровавое
море.

Чудо свершилось: по свѣтлымъ луча-
мъ заструилась горячая кровъ къ
небесамъ, поднимаясь все выше и ша-
е къ зѣздѣ лучезарной.

Кроваво горячей питаясь, зѣзда раз-
горалась, все ярче и ярче, и свѣтотъ
кровоюмъ сіяла.

Кроваво горячей питаясь, зѣзда раз-
горалась въ могуче красное солнце.

Кроваво горячей питаясь, зѣзда раз-
горалась лучами тѣлостной красы, надъ
землею замесивъ.

Кроваво горячей питаясь, зѣзда со-
грѣвала заставляя въ холодѣхъ жить.

Кроваво горячей питаясь, зѣзда осу-
шила кровавое море.

В. Михайловичъ.

На краю.

Безбрежное ствѣе мнѣ тихо сумать
Труднотѣ свѣтлые годъ,
И радующий подымае чаруетъ мой взглядъ,
И бурное сердце мое веселитъ,
Лучи долгожданной свободы...

О радости новой побѣдою звоня,
Лѣства пробужденнаго лѣса:
Невольничью жизни гонимый дѣш
Училась, и вновь не воскреснуть оны,—
И сумерокъ пала зѣвѣла!

Въ янтарномъ приподлѣхъ роснстѣхъ луговъ
Не всплывутъ минувшей печали—
Мнѣ душу встреможилъ таинственный зовъ;
Желѣзные кольца гремятъ оковы,
Разбавишась, уже отзвучали!

Ликующимъ солнцемъ, рождающимъ свѣтъ,
Плѣтвенный во мракѣ пустынною,
Я келью разрушилъ, исполнивъ обѣтъ;—
Для узника систѣ лучаго зѣвѣла!
И знаешь къ зацвѣтннмъ равнинамъ...

Я гимны хвалебные солню пою,
И сердце рокометъ, какъ лава...
Велюка дороги на свѣтломъ краю
Свободѣ и вѣсно слагою пою,
Свободѣ—вѣлкая слава!

М. П.

О Н А.

Идеть она поспѣшно твердыи шагомъ,
Глаза ея, какъ молнии, горятъ,
Идеть впередъ съ побѣднмъ краснми флагомъ,
И за отрокомъ падаетъ отдрѣ...

Она ведетъ кровавые сраженья,
Вездѣ всегда могуча и страшна,
Она въ пути не знаетъ пораженья,
И съ ней борьба безумна и сибина.

Она страной несчастною владѣтъ,
Ея силы ирочны въ побѣдѣхъ помого,
И рать боронитъ отчаяннмъ рѣшнть:
Всѣ лучше давно ужъ полегатъ...

Идеть сраженье грозное вѣкамъ,
И съ кажнмъ годомъ все сильнѣе врагъ!
Напрасно Жизнь, дрожжащая руками
Стремится взять ея побѣднй флагъ!

—ост.

У моря.

Вскрило безбрежное море:
Самой думкой подурезанной воды
На весь необитаемый простор!
Власть бы гнать — кля!

Несется из дикой стая,
Как рать боевая врагов,
И хлещут, стремясь к настигу,
О стволы крутых берегов.

Как будто криком полетает:
„Зачем эта гора камней
„Свободный наш путь преграждает?“
„Дружите же, братья, дружите!“

Порой в раздумьи угрюмом
Утом слеза зарожает,
И воины с торжественным шумом
Светлые на приступ сплещат.

Так бурно разнуждено море,
И сплоско из воды лобки ковылят,
Как кажется — скоро, уже скоро
Прегран оно победит.

И. Лубинь.

Fra diavolo.

Кто-то во тьме шевелится,
Тыко ползает средь поглы...
Вперть, нахмуренный, днится,
Тушак небо покрывает.

Кто-то тавя яму копает,
Черные трупы несет...
Зимняя ветошь разветь,
Скорбява ббоню пость...

Бритское кровью залитый,
Камень ползает, как змея...
Стояут могильная плита,
Динеть проклятьем земля...

Материй Малель.

Кому живется весело.

Коль жить тебе желательно,
Ты у меня спроси,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси!

Живется интендантскому
„Чиншовку легку...
Почтово-телеграфнику
До счастья далеко!

Вольготно губернаторам,
Нич не о чьей тушить...
Но вот, на то редакторам
Нельзя на сибть жить!

Вольготно полицейскому,
„Гороховым пальто“, —
Простому обывателю
Уж счастье не той!

Коль жить тебе желательно,
Ты у меня спроси,
Скажу тебе секретно я,
Кто счастлив на Руси!

Иному жить вольготнее,
Иному таксавай...
Неси свой черт безропотно,
Да слезь поменьше лей!

Последняя извѣстия.

Слава Богу, все споконно...
Жизнь течет повсюду стройно...
Получил я дар печатный
Разрешение — молчать.
Нить охраны у вокзалов,
Конфискации журналов,
И редакторы из тюрьмы
Ташать из день по одному,
Крушатся за „обывателем“
Ищеть тоже помъвание,
Чтобы славу приобрести,
Онь ршала, коль вместо есть,
Позбыль литературу,
Во думу дать нацелителю...
Дума будет, ли дана,
Скажетъ будущность одна,
По торьянам и по острогам,
Казенитам и дорогам.
Нить преступников — дѣтей,
Нить и гибельныхъ затѣй!
Нить въ Говельскъ воерома,
Нить пожара и разгрома,
Черной сотни не видать, —
Всюду миръ и благодать.
Нить голодныхъ и бездомныхъ,
Нить арестовъ безконтрольныхъ,
Нить „гороховыхъ пальто“.
Своимъ, стало все — не то...
Зажимають наши раны
Отъ усиленной охраны!
Ожидая страстно ны,
Что исчезнетъ призракъ тьмы!

Монологи.

Могильщина.

Тутъ что-то тѣло? Пролетарій
Опять побился на кресты!
Поков нить отъ этихъ парій!
Во участкѣ зашло протесты.
Моль, не хватаетъ даже силъ
Копать ни сорочку нить могилъ...
Не прмуть нѣтъ, — я забастую.
Поиду копать сорокъ шестую!

Редаторо.

Прощай, жена, прощайте, дѣти,
Прощай, моя старушка мать!
Въждь вряд ли мнѣ на этомъ свѣтѣ
Нашъ доведется обитатъ!
Пускай считаетъ, что я померъ,
Скорѣй была бы смерть!
Журнала вышелъ первый номеръ,
Редакторомъ въ которомъ я!

Обывател.

Обиесь всюду поголовно:
Я не сплю спокойно ночь!
Въждь могу я безусловно
Во ожидания заночить!
Обывателъ я привычный, —
Обищите же вы меня,
Хоть я бушу на Шпаперной,
Но усну спокойно я!

Дай ты, Господи, народу
Сохранить свою свободу!
Исцѣли его ты раны,
Къ цѣли истинной направь,
Отъ усиленной охраны
Нашего его избавь!

Хроника.

«Вышелъ № 1 нового литературно-сатирическаго журнала и, во всеобщее удивление, не конфискованъ. Редакторъ на свободу. Сенсационный случай и къ тому же первый со дня освобождения закрѣпощенной печати.»

«Цензура, какъ известно изъ достоверныхъ источниковъ, отбѣдена совершенно. Главное управление по дѣламъ печати уничтожается. Цензура упраздняется. Обязанность ея возлагается на метранажей, факторовъ и управляющихъ типографій; за замѣчание литературно-сатирическихъ журналовъ типографій закрывається, а наборщики и прочие служащие обрекаются на продолжительную голодовку. Весь литературный материалъ печатается за отвѣтственность метранажей типографій... Итакъ, да здравствуетъ свобода печати!»

Редакторъ В. Трѣфиновъ.

Немало же влезть, если не вкаждой
 За то, что съ многою надеждой
 Лезть устроить загубленной
 Простала съ поиском столицы!

Среди насильных уверений
 Моей излюбленной отчины,
 Долой на лаврах отдохнуть
 Обратишь я северную путь!

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналъ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются безплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамъ отъ 4—6 час. Выдача гонорара по четвергамъ 4—6 час.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 г.

на еженедѣльный

ЛИТЕРАТУРНО-

САТИРИЧЕСКІЙ

журналъ

ЗАРЕВО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ СВѢ. безъ доставки въ годъ 4 рубли, съ доставкой и пересылкой по почт. городъ Рос. Имперія—5 р.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помещается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Издатель *А. К. Костомаровъ.*

Редакторъ *В. В. Трофимовъ.*

Подписка принимается въ контору
 журнала Спб., Невскій, 112.